

Сельма Лагерлеф

Рождественский гость

Одним из кавалеров, которые жили в Экебю, был малыш Рустер. Он умел играть на флейте и транспонировать ноты. Это был человек самого простого происхождения, бедняк, у которого не было ни родни, ни крыши над головой. Трудно пришлось ему, когда рассеялось кавалерское общество.

Не стало у него ни лошади, ни тележки, ни шубы, ни красного погребца с дорожной снедью. И побрел он пешком от усадьбы к усадьбе со своими пожитками, сложив их в узелок из белого носового платка с голубой каемкой. Опять Рустер приучился застегивать сюртук на все пуговицы до самого горла, чтобы не разглядывали посторонние люди, какая на нем надета рубашка да есть ли жилет. В просторные карманы он складывал все самое драгоценное из своего достояния: разобрannую на части флейту, плоскую дорожную фляжку и нотное перо.

Он знал ремесло нотного переписчика и в прежние времена без труда нашел бы себе работу, да на его беду свет переменился. Год от году в Вермланде все меньше музицировали. И вот уже гитара на истлевшей ленте и валторна с выцветшей кисточкой на шнурке отправились вместе с ненужным хламом на чердак, где уже давно пылились продолговатые, окованные железом скрипичные футляры. И чем реже Рустеру приходилось брать в руки перо или флейту, тем чаще он вспоминал про фляжку, и в конце концов стал горьким пьяницей. Не повезло ему, бедняге.

Ради старой дружбы его еще принимали в окрестных усадьбах. Но встречали скрепя сердце, а провожали с радостью. От него несло затхлым запахом и винным перегаром, он быстро хмелел от одной рюмки и начинал нести всякую околесицу. Гостеприимные хозяева боялись его как чумы.

Однажды под Рождество он отправился в Лёвдаль, к знаменитому скрипачу Лильекруне. Когда-то Лильекруна тоже жил в компании кавалеров, но после смерти майорши вернулся на свой крепкий хутор Лёвдаль и остался там жить. И вот незадолго перед Рождеством, в самый разгар предпраздничной уборки, туда явился Рустер и спросил, не найдется ли для него какая-нибудь работенка. Лильекруна дал ему переписывать ноты, только чтобы его занять.

- Уж лучше бы ты его не привечал, - сказала ему жена. - Теперь он нарочно проковыряется подольше, и нам придется оставить его у себя на Рождество.

- Пускай уж остается, больше ему некуда деваться! - ответил Лильекруна.

Он угостил Рустера пуншем и водкой, они выпили, и Лильекруна словно заново пережил с ним былые кавалерские денечки. Однако у Лильекруны было тоскливо на душе. Он, как все, тяготился Рустером, хотя и старался не подавать вида, свято чтя законы дружбы и гостеприимства.

В доме у Лильекруны праздничные приготовления начались за три недели до Рождества. Хлопот было много, и все домашние трудились, не покладая рук. Ходили с красными глазами, оттого что и поздней ночью работали при свечах и при лучине, подолгу мерзли в пивоварне и холодном сарае, пока солили мясо и варили пиво. Однако и хозяйка, и домочадцы все терпели и не жаловались, зная, что после всех трудов наступит сочельник, и тогда все изменится, как по волшебству. На Рождество само собой откуда-то приходит веселье и радость, все будут шутить и смеяться, сыпать стихами и поговорками, ноги сами запросятся в пляс, и припомнятся забытые слова и мелодии, которые, оказывается, не забыты вовсе, а только до поры до времени дремали в глубине памяти. И все станут добрыми, такими добрыми друг к другу!

А когда появился Рустер, все домочадцы решили, что праздник испорчен. Так думали и хозяйка, и старшие дети, и верные слуги. При виде Рустера в них закралась гнетущая тревога. Они боялись, что встреча с Рустером разворошит в душе Лильекруны

старые воспоминания, вспыхнет огненная натура великого скрипача, и тогда прощай дом и семья! В прежние времена ему не сиделось дома.

С тех пор как Лильекруна вернулся домой, прошло уже несколько лет, и за это время все домочадцы несказанно полюбили хозяина. Он много значил для своих домашних, особенно в рождественский праздник. Его обычное место было не на диване и не в качалке, а на узкой, отполированной до блеска скамеечке около печки. Сядет он, бывало, в своем уголке и пустится в сказочное путешествие. В этих странствиях он объездил всю землю, парил в звездной вышине, и выше звезд залетал. Он то играл на скрипке, то рассказывал, а все домашние собирались в кружок и слушали. Жизнь становилась невиданно прекрасной и возвышенной, когда ее освещало сияние его богатой души.

Поэтому его и любили, как любят Рождество, радость, весеннее солнышко. Приход Рустера всех взбаламутил и нарушил праздничное настроение. Они так старались, но все их труды пропадут понапрасну, если Рустер сманит за собой хозяина. Несправедливо это и обидно, что какой-то пьянчужка навязался на шею благочестивым людям, а теперь рассядется за рождественским столом и всем испортит праздник.

В сочельник утром Рустер кончил переписывать ноты и завел речь о том, что ему пора прощаться и в путь, хотя на самом деле он, конечно, рассчитывал остаться.

Лильекруне отчасти передалось общее раздражение, поэтому он довольно-таки вяло предложил Рустеру не спешить с уходом, чтобы встретить здесь Рождество.

Малыш Рустер был вспыльчив и горд. Он покрутил усы, тряхнул черными кудрями, которые, как туча, вздымались над его челом: «Что, мол, ты хочешь этим сказать? Уж не думаешь ли ты, Лильекруна, что, кроме твоего дома, мне некуда пойти? Вот еще! Да меня ждут не дождутся на железной фабрике в Бру! Для меня, мол, и комната приготовлена, и чарка с вином налита! Одним словом, мне надо спешить, только вот не знаю, кого навестить первого».

- Бог с тобой! - ответил Лильекруна. - Поезжай, коли ты так хочешь!

После обеда Рустер испросил взаймы лошадь и сани, шубу и меховую полость. С ним послали работника, чтобы тот отвез Рустера в Бру, и наказали ему поскорей возвращаться: похоже было, что разыграется метель.

Никто не поверил, что Рустера где-то ждут или что найдется такое место в округе, где бы ему были рады. Однако всем так хотелось поскорей от него отделаться, что никто не признался перед собой в этих мыслях. Гостя торопливо спровадили, ожидая, что без него в доме сразу же станет хорошо и весело.

В пять часов все собрались в зале, чтобы пить чай и плясать вокруг елки, но Лильекруна был молчалив и печален. Он не садился на волшебную скамейку, не притронулся ни к чаю, ни к пуншу, не сыграл им польку, отговорившись тем, что будто бы неисправна скрипка, а кому охота плясать и веселиться, те пускай, мол, обходятся сами.

Тут уж и хозяйка встревожилась, и дети расстроились, и все в доме пошло вразброд. Грустное получилось Рождество.

Молочная каша свернулась, свеча зачала, из печи повалил дым, за окном поднялся ветер, разыгралась вьюга, и со двора потянуло ледяным холодом. Работник, которого послали отвезти Рустера, не возвращался, домоуправительница плакала, а служанки перессорились.

А тут еще Лильекруна вспомнил, что забыли выставить рождественский сноп для воробьев, и начал ворчать на женщин, что вот, дескать, старые обычаи позабыты, все бы вам только модничать, а сердечной доброты ни в ком не осталось. Однако они хорошо понимали, что на самом деле его мучают угрызения совести из-за того, что отпустил малыша Рустера и не уговорил его остаться на Рождество.

Вдруг хозяин встал, вышел вон и, запершись в своей комнате, начал играть на скрипке; такой игры от него давно не слышали с тех пор, как он бросил бродяжничать. В музыке звучала злость и насмешка, страстный порыв и мятежная тоска: «Вы думали посадить меня на цепь, а мне не страшны ваши оковы! Вы думали принизить меня до

вашей мелочности. А я вырвался от вас на волю, на простор. Эй вы, скучные, серые людишки, рабские душонки! Попробуйте меня поймать, если сможете угнаться!»

Послушав скрипку, жена сказала:

- Завтра он убежит, и ничто его не остановит, кроме Божьего чуда. Вот из-за нашего плохого гостеприимства мы сами накликали беду, которой боялись.

А малыш Рустер тем временем все ехал куда-то сквозь метель. Он ездил от усадьбы к усадьбе и везде спрашивал, нету ли для него работы, но нигде его не принимали. Ему даже не предлагали выйти из саней. У одних был полон дом гостей, другие сами собирались завтра ехать в гости.

- Поезжай к соседу! - отвечали ему повсюду.

Его даже звали пожить несколько дней и поработать, но только потом, после Рождества. Сочельник бывает раз в году, и дети с самой осени ждали праздника. Разве можно посадить за праздничный стол рядом с детьми такого человека! Раньше его охотно приглашали, но теперь другое дело: кому нужен такой пьянчужка, да и что с ним делать? Отправить в людскую - неуважительно, а с господами посадить - много чести.

Вот так и пришлось Рустеру разъезжать среди злой метели от усадьбы к усадьбе. Мокрые усы печально обвисли у него по губам, воспаленные глаза покраснели, взгляд помутнел, зато из головы выветрились винные пары. И тут он с удивлением подумал: «Неужели и впрямь никто не хочет меня у себя принимать?»

И вдруг, точно впервые увидев, какой он сам жалкий и опустившийся, он понял, как он противен окружающим. «Со мною все кончено, - подумал он. - Кончено с переписыванием нот, кончено с флейтой. Никому на свете я не нужен, никто меня не пожалеет».

Мела и завивалась вьюга, взметая сугробы и перенося их на новое место; вздымались столбом снежные вихри и неслись по полям, тучи снега взлетали на воздух и вновь осыпались на землю.

«Всё, как в нашей жизни. Всё, как в нашей жизни, - сказал себе Рустер. - Весело плясать, пока тебя несет и кружит, а вот падать, ложиться в сугроб и быть погребенным - обидно и грустно». Но в конце концов всем это суждено, а нынче настал его черед. Не верится, что вот и пришел конец!

Он уже не спрашивал, куда его везет работник. Ему чудилось, что он едет в страну смерти.

Малыш Рустер не сжег во время поездки старых богов. Он не проклинал свою флейту или кавалеров, он не подумал, что лучше было пахать землю или тачать сапоги. Он только горевал, что превратился в отслуживший инструмент, который не годится больше для радостной музыки. Он никого не винил, зная, что лопнувшую валторну или гитару, которая перестала держать лад, остается только выбросить. Он вдруг ощутил небывалое смирение. Он понял, что в этот сочельник пришел его последний час. Ему суждено погибнуть от голода или замерзнуть, потому что он ничего не умеет, ни на что не пригоден и у него нет друзей.

Но тут сани остановились, и сразу вокруг сделалось светло. Он услышал дружелюбные голоса, кто-то взял его под руку и увел с мороза в дом, кто-то напоил горячим чаем. С него сняли шубу, со всех сторон он слышал добрые слова приветия, и чьи-то теплые руки растирали его заочиненные пальцы.

Это было так неожиданно, что в голове у него все смешалось, и прошло четверть часа, прежде чем он очухался. Он не сразу сообразил, что снова оказался в Лёвдале. Он даже не заметил, когда работник, которому надоело таскаться по дорогам в метель и стужу, повернул назад и поехал домой.

Рустер не мог понять, отчего ему вдруг оказали такой ласковый прием у Лильекруны. Откуда ему было знать, что жена Лильекруны очень хорошо представляла себе, какой тяжкий путь выпало ему проделать в сочельник, выслушивая отказ всюду, куда бы ни постучался. И ей стало так его жалко, что она забыла все прежние опасения.

Между тем Лильекруна все безумствовал на скрипке, запершись в своей комнате. Он не знал, что Рустер уже вернулся. А Рустер сидел в зале, где были его жена и дети. Слуги, которые обычно встречали Рождество вместе с господами, на этот раз, увидав, что хозяевам не до праздника, убрались подальше от греха и сидели на кухне.

Хозяйка, не долго думая, задала Рустеру работу.

- Слышишь, Рустер, как наш хозяин весь вечер играет на скрипке? Мне надо на стол накрыть и приготовить угощение. А дети одни брошены. Придется уж тебе поглядеть за двумя младшенькими.

Изо всех людей Рустеру меньше всего приходилось иметь дело с детьми. Дети как-то не попадались на его пути ни в кавалерском флигеле, ни в солдатской палатке, ни в трактирах или на большой дороге. Он даже смутился перед ними и не знал, что и сказать, чтобы не оскорбить их слуха.

Рустер достал флейту и стал им показывать, как надо обращаться с дырочками и клапанами. Одному малышу было четыре года, другому шесть. Урок так их заинтересовал, что они совсем погрузились в новое занятие.

- Вот А, - говорил Рустер, - а это С, - и брал нужную ноту¹.

Но тут детям захотелось посмотреть, как выглядит А и С, которые надо играть на флейте. Тогда Рустер достал листок нотной бумаги и нарисовал обе ноты.

- А вот и нет! - сказали дети. - Это неправильно.

Они побежали за азбукой, чтобы показать, как надо писать буквы.

Тогда Рустер стал спрашивать у них алфавит. Дети отвечали, что знали, иной раз и невпопад. Рустер увлекся, усадил мальчуганов к себе на колени и начал их учить. Жена Лильекруны, хлопоча по хозяйству, мимоходом прислушалась и очень удивилась. Это было похоже на игру, дети хохотали, но учење шло им впрок.

Так Рустер развлекал детей, но голова его была занята другим, в ней бродили мысли, которые привязались во время метели. Он думал, что все это мило и прекрасно, но только уж не для него. Его, как старую рвань, пора выбросить на свалку. И вдруг он закрыл лицо руками и заплакал.

Жена Лильекруны взволнованно подошла к Рустеру.

- Послушай, Рустер! - заговорила она. - Я понимаю, что тебе кажется, будто все для тебя кончено. Музыка перестала быть тебе подспорьем, и ты губишь себя водкой. Так вот, на самом деле для тебя еще не все пропало, Рустер!

- Какое там! - вздохнул Рустер.

- Ты же сам видишь, что возиться с детишками, как сейчас - занятие как раз по тебе. Если ты начнешь учить детей чтению и письму, ты снова станешь для всех желанным гостем. Вот тебе инструменты, на которых играть ничуть не легче, чем на флейте или на скрипке. Взгляни-ка на них, Рустер!

И с этими словами она поставила перед ним двух своих детей. Он поднял взгляд и, сощурился, как от яркого солнца, посмотрел на них мутными глазами. Казалось, будто он с трудом может выдержать ясный и открытый взгляд невинных детских глаз.

- Посмотри на них, Рустер! - строго повторила жена Лильекруны.

- Я не смею, - ответил Рустер, пораженный ослепительным сиянием непорочной души, которое светилось в прекрасных детских глазах.

И тут жена Лильекруны рассмеялась звонко и радостно.

- Придется тебе к ним привыкать, Рустер! Ты можешь на весь этот год остаться у меня в доме учителем.

Лильекруна услышал смех своей жены и вышел в залу.

- Что тут такое? - спросил он. - Что тут такое?

- Ничего особенного, - ответила жена. - Просто вернулся Рустер, и я договорилась с ним, что он останется у нас учителем при малышах.

Лильекруна воззрился на нее в изумлении:

¹ Латинские буквы «А» и «С» также служат названием нот «ля» и «до».

- Ты решилась? - повторил он. - Ты осмелилась? Неужели он обещал бросить...

- Нет! - сказала жена. - Рустер ничего мне не обещал. Но ему придется очень следить за собой и держать ухо востро, потому что здесь ему каждый день нужно будет смотреть в глаза маленьким детям. Кабы не Рождество, я бы никогда не решилась на такое, но уж коли Господь наш решился оставить среди нас, грешных, не просто малого ребенка, а своего сына, то уж, верно, и я могу позволить, чтобы мои дети попытались спасти одного человека.

Лильекруна не мог вымолвить ни слова, но его лицо подергивалось и вздрагивало каждой морщинкой, как всегда, когда он бывал поражен чем-нибудь величественным.

Затем он благоговейно, с видом ребенка, который пришел просить прощения, поцеловал руку своей жены и громко воскликнул:

- Подите сюда, дети, и все поцелуйте ручку своей матушке!

Что и было сделано, а после в доме Лильекруны весело отпраздновали Рождество.